

Диана Фурсова

Развод с драконом

Хозяйка заброшенной
лечебницы

Диана Фурсова

**Развод с драконом. Хозяйка
заброшенной лечебницы**

«Литнет»

2026

Фурсова Д.

Развод с драконом. Хозяйка заброшенной лечебницы /
Д. Фурсова — «Литнет», 2026

Муж-дракон оценил мою покорность в двенадцать золотых в месяц. После развода я должна была уехать из столицы, забыть о работе и не портить ему репутацию. Вместо этого я забрала ключ от заброшенной лечебницы. Крыша течёт, денег почти нет, а единственная помощница встречает незваных гостей с лопаткой. Зато здесь пригодятся мои знания из другого мира. Я восстановлю залы, открою собственное дело и впервые буду решать сама, как мне жить. Правда, инспектор Тайрвен Оррис готов закрыть лечебницу прежде, чем я приму первого посетителя. Мы спорим, работаем вместе, и за его строгой сдержанностью постепенно открывается человек, которого мне хочется узнать ближе. Только о своём прошлом он предпочитает молчать. А потом из дома исчезает восстановленный зал — вместе с мебелью и дверью. В окне соседней комнаты я узнаю люстру из усадьбы бывшего мужа. И вскоре он сам приезжает с неожиданно щедрым предложением выкупа. Почему он так торопится получить ключ обратно? И что скрывает Тайрвен, которому я почти научилась доверять?

© Фурсова Д., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Отступные с трещиной	5
Глава 2. Дракон, который приехал закрыть дом	19
Глава 3. Первые шаги и пропавшая дверь	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1. Отступные с трещиной

— Я предлагаю тебе двенадцать золотых в месяц, Ясвена, и рассчитываю хотя бы на то, что моя бывшая жена не станет позорить меня работой.

Касрен подвинул ко мне договор, придерживая страницу ладонью. Его обручальное кольцо лежало на краю стола рядом с перчатками, а моё всё ещё цеплялось за кружево на рукаве. Утром я несколько раз пыталась его снять, но каждый раз находила причину заняться чем-нибудь другим.

Теперь причины закончились.

Я осторожно высвободила нитку и повернула кольцо на пальце, пока муж объяснял магистру, насколько щедры предложенные условия.

За двенадцать золотых я должна была покинуть столицу, не открывать собственного дела, не поступать на службу и не появляться на приёмах, где мог присутствовать род Дорвей. Нарушение любого пункта прекращало выплаты, а решение о том, считать ли моё поведение нарушением, оставалось за Касреном.

Я перечитала последнюю строку, хотя знала её почти наизусть: предварительный договор мне прислали три дня назад.

— Здесь сказано, что ты можешь приостановить содержание по своему усмотрению, — заметила я.

— Только если ты дашь повод.

Он произнёс это с той терпеливой улыбкой, которую прежде оставлял для непонятливых слуг. В первый год нашего брака я принимала её за снисходительную нежность и даже радовалась, что Касрен не сердится, когда я задаю слишком много вопросов.

Я смотрела на его руку поверх договора и ловила себя на унижительном желании услышать хоть одно сожаление. Он же обсуждал, где мне жить и чем заниматься, с той же уверенностью, с какой ещё вчера распоряжался ужином.

— А если я захочу вернуться в столицу?

— Зачем тебе возвращаться?

Магистр, сидевший между нами за узким торцом стола, перестал перебирать листы. Он был пожилым человеком с аккуратно подстриженными седыми усами и привычкой поправлять бумаги, когда разговор становился неприятным.

— Леди Ясвена вправе отклонить предложенное содержание, — сказал он. — Вы просили подготовить несколько способов имущественного расчёта. Возможно, стоит рассмотреть остальные.

Касрен наконец убрал руку со страницы.

За высоким окном кабинета осенний ветер гнал по стеклу дождевые капли. Во дворе магистрата ждали две кареты: чёрная, с серебряным драконом на дверце, и наёмная, из которой какой-то мужчина вытаскивал корзину с мокрыми бумагами.

Мои чемоданы стояли у привратника.

Всего два, хотя три года назад, въезжая в дом Дорвеев, я думала, что останусь в нём до старости.

— Остальные способы предполагают, что моя жена способна самостоятельно распорядиться имуществом, — ответил Касрен.

— Бывшая жена, — поправила я, прежде чем успела испугаться собственного голоса. — Через несколько минут это будет иметь значение.

В его глазах мелькнуло золото. Обычно драконья природа Касрена почти не проявлялась: разве что зрачки становились узкими, когда он раздражался, да кожа у висков отливала тёмной бронзой на ярком свете. Сейчас обе приметы были заметны, хотя день выдался пасмурным.

Я отложила договор и вытянула из папки перечень имущества.

До сегодняшнего утра этот перечень помогал мне держаться. Пока в соседней комнате укладывали мои платья и снимали с дверей спальни герб Дорвеев, я читала названия участков, складов и пустующих домов, пытаясь представить жизнь за воротами усадьбы.

Развода потребовал Касрен, когда я в очередной раз заговорила о работе. Он устал от жены, которая спорила и никак не желала довольствоваться тем, что ей дали. Я ещё надеялась, что он сказал это сгоряча, пока управляющий не принёс первый проект соглашения.

Большая часть перечня ничего мне не говорила.

На предпоследней странице обнаружилось знакомое название.

— Я возьму лечебницу у Белого моста.

Магистр посмотрел на меня поверх очков.

Касрен не сразу ответил, и за эту короткую паузу я успела почувствовать, как сильно у меня замёрзли пальцы.

— Ты плохо прочитала описание, — сказал он наконец. — Это не доходное заведение.

— В описании указано, что оно закрыто.

— Оно закрыто шесть лет. Там нет посетителей, половина окон требует замены, а содержание здания обходится дороже, чем оно стоит.

Он говорил так, словно объяснял, почему не следует покупать надтреснутую чашку.

Я видела лечебницу дважды. Первый раз — из кареты, когда мы возвращались с загородного приёма. Белый каменный дом стоял за заросшей оградой, и даже в запустении в нём было что-то удивительно соразмерное человеку: низкие широкие ступени, крытая дорожка вдоль стены, скамьи под навесом.

Второй раз я приехала туда вчера.

Калитка оказалась заперта, но через решётку я разглядела целую крышу над боковым крылом, дым из одной трубы и занавеску в нижнем окне. Этого было недостаточно, чтобы считать покупку разумной. Зато вполне хватало, чтобы понять: дом не превратился в грудку камней, как уверял Касрен.

— Там кто-то живёт, — сказала я.

— Бывшая смотрительница, Терисса Лут. Ей разрешили занимать несколько комнат, пока она присматривает за остатками имущества. Не принимай это за признак благополучия.

— Я и не принимаю.

— Ты хотя бы представляешь, сколько стоит привести такое здание в порядок?

Я представляла, как мало знаю о местных ценах на серьёзные работы. Представляла также, что мои небольшие сбережения закончатся быстрее, чем хотелось бы.

Но договор о содержании не становился от этого лучше.

Я провела ногтем по краю страницы.

— Сначала мне понадобится привести в порядок одну комнату, а не весь дом.

Касрен откинулся на спинку кресла. В его лице появилось знакомое выражение человека, который решил больше не спорить с заведомо неудачной затеей.

Когда-то он так же слушал мои предложения переделать лестницу в саду, чтобы старый управляющий мог спускаться без чужой помощи. Тогда Касрен велел купить управляющему новое кресло и сообщил мне, что вопрос решён.

— Ты намерена там поселиться?

— Именно поэтому я прошу передать здание, а не ежемесячно решать, заслужила ли я деньги на жильё.

Магистр кашлянул, прикрыв рот согнутым пальцем.

— Лорд Дорвей, лечебница включена в перечень имущества для передачи вместо содержания. При согласии сторон я могу подготовить соответствующий акт.

Касрен перевёл взгляд с него на меня.

Я ожидала нового возражения, но он вдруг улыбнулся.

— Пожалуй, самостоятельный опыт действительно пойдёт тебе на пользу. Оформляйте. Эта лёгкость мне не понравилась.

Ещё минуту назад он убеждал меня, что я не способна распорядиться собственным будущим, а теперь соглашался отдать целый дом. Впрочем, дом мог оказаться настолько плох, что спорить было просто не о чем.

Я придвинула перечень ближе к магистру.

— Прежде чем вы начнёте, я хочу уточнить, что именно получаю.

Касрен взял со стола перчатки.

— Здание, Ясвена. Мы только что об этом договорились.

— Здание вместе с землёй?

Магистр проверил соседний лист.

— Участок в границах ограды, подъезд от мостовой и выход к береговой дорожке входят в один имущественный номер.

— Тогда внесите их в акт. Вместе с хозяйственными постройками, колодцем и всем, что принадлежит лечебнице внутри.

Касрен перестал расправлять перчатку.

— Ты опасаясь, что я заберу у тебя старый сарай?

— Я хочу прочитать в документе то же самое, о чём мы сейчас говорим.

Магистр сделал пометку.

За три года рядом с владельцем строительных предприятий я усвоила одну полезную вещь: слово «дом» не всегда означало всё, что находилось за его дверью.

Однажды за обедом Касрен почти час объяснял своему компаньону, почему купленный склад не включает верхнее хранилище. Хранилище находилось внутри, попасть туда можно было только из склада, но его внутреннее пространство принадлежало другому человеку.

Тогда я спросила, как вообще можно продать лестницу, оставив за собой место, куда она ведёт. Муж ответил, что именно поэтому подобными вопросами занимаются специалисты.

Теперь специалист сидел рядом со мной, и я собиралась воспользоваться его присутствием.

— Отдельно укажите все внутренние помещения и пространства, относящиеся к лечебнице, — попросила я. — Независимо от того, каким образом они соединены со зданием. Я не хочу однажды обнаружить, что владею стенами, но не комнатами между ними.

Магистр поднял голову.

— Разумное уточнение для старой постройки.

Похвала была сдержанной, почти случайной, но Касрену она явно не понравилась.

— Там нет ничего, из-за чего стоило бы тратить столько времени.

— Тогда эта запись ничего для тебя не изменит, — ответила я.

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга.

Я знала этот его взгляд. Обычно после него начинала искать более мягкие слова, объяснять, что не хотела спорить, вспоминать, как много он для меня сделал. Сейчас мне приходилось сознательно удерживать руки на столе, чтобы не потянуться к его запястью и не попытаться привычно сгладить разговор.

Касрен отвёл глаза первым.

— Пишите, как она просит.

Магистр добавил ещё несколько строк, затем уточнил, что прежние платежи и обязательства владельца не переходят ко мне. Зарегистрированных обременений на участке не было. Пользоваться залами для приёма посетителей до нового обследования не разрешалось, но проживание в исправной части дома не запрещалось.

— Сведения о смене владельца поступят в службу надзора, — пояснил он. — Осмотр здания придётся согласовать отдельно.

— Я понимаю.

Завтра придётся искать мастеров, считать деньги, решать, где спать. Я почти ничего об этом не знала и от тревоги крепче прижала ладонь к столу. Но ключи хотя бы будут у меня.

Магистр переписал акт начисто.

Я прочитала его целиком.

Касрен успел посмотреть на часы, пройтись до окна и вернуться. Когда я перевернула последнюю страницу, он опёрся ладонью на спинку моего кресла.

— Неужели ты всерьёз считаешь, что я стану обманывать тебя при свидетеле?

Его рука оказалась так близко, что я узнала запах кожи от перчаток.

Когда-то от этого запаха мне становилось спокойно. В первые месяцы в чужом мире я плохо переносила толпу, путалась в названиях улиц и боялась, что случайным вопросом выдам себя. Касрен умел входить в помещение так, что все сразу начинали говорить понятнее и уступали дорогу.

Я слишком долго путала чувство защищённости с необходимостью всегда стоять за его плечом.

— Я проверяю договор, который собираюсь подписать, — ответила я. — Вы же сами говорили, что мне нужно научиться распоряжаться имуществом.

Обращение на «вы» вышло непреднамеренным.

Касрен это заметил. Его пальцы на спинке кресла чуть напряглись, но он ничего не сказал и вернулся на своё место.

Когда магистр положил перед нами документ о расторжении брака, мне вдруг стало трудно вдохнуть.

Перо лежало передо мной, а я всё не могла протянуть руку. Ещё вчера я знала, в какой комнате проснусь, слышала за стеной шаги Касрена. Три года училась угадывать его настроение и ждала, что однажды снова стану ему нужна. Теперь нужно было расписаться в том, что ждать больше нечего.

Я сняла кольцо и положила его рядом с кольцом Касрена.

На коже осталась светлая полоска.

— После регистрации никаких дополнительных условий для расторжения не возникает? — спросила я у магистра. — Передача лечебницы не делает развод временным или зависимым от состояния имущества?

— Ваш брак прекращается сегодня, леди Ясвена. Дальнейшая судьба здания этого не изменит. Акт передачи также не содержит условия об обратном переходе собственности.

Я кивнула и взяла перо.

В строке с моей подписью появилась фамилия Риоль.

Последние три года я почти её не писала.

Магистр дождался подписи Касрена, приложил печать, затем провёл узким металлическим стержнем вдоль края каждого документа. По бумаге прошёл ровный серебристый отблеск. В настольном регистрационном кристалле на мгновение проявились наши имена и разошлись в разные стороны.

Ничего не заболело. Ни одна невидимая нить не вырвалась у меня из груди.

Просто магистр передал мне две заверенные бумаги и произнёс:

— Вы более не состоите в браке. Право собственности на лечебницу зарегистрировано за Ясвенной Риоль.

Касрен убрал свои экземпляры в папку.

Я ещё смотрела на подпись, когда на стол лёг длинный латунный ключ с потемневшей круглой головкой.

— Он от главного входа и внутреннего перехода, — сказал бывший муж. — Смотрительница знает, что где находится.

Я взяла ключ. Он оказался тяжелее, чем выглядел.

— К главному порогу лучше не подпускай случайных мастеров, — добавил Касрен. — В старых зданиях такие вещи не меняют по прихоти новой хозяйки.

— Я сначала выясню, что там вообще требует ремонта.

— Надеюсь, тебе хватит благоразумия не разбирать то, чего ты не понимаешь.

Магистр аккуратно сложил оставшиеся листы, давая понять, что встреча окончена.

Касрен поднялся.

У двери он задержался и посмотрел на мои перчатки, которые я так и не надела.

— Через неделю ты убедишься, что я предлагал тебе гораздо более удобную жизнь.

Мне хотелось ответить так, чтобы он запомнил эту минуту надолго. Но подходящих слов не нашлось, а произносить красивую угрозу с дрожащими руками я не собиралась.

— Возможно, — сказала я. — Но ключ я всё-таки заберу.

* * *

На крыльце магистрата дождь показался холоднее, чем выглядел из окна.

Карета с серебряным драконом уже выезжала из ворот. Касрен не оглянулся, а я слишком долго следила за мокрым следом колёс, прежде чем сообразила, что стою под каплями.

— Ваши вещи пока могут остаться у меня, госпожа, — сказал привратник. — Только до смены караула заберите, иначе придётся передавать по описи.

Я поблагодарила его и отошла под навес.

В кошельке лежали шестнадцать серебряных монет. Этого хватило бы на поездку, еду и несколько дней в недорогой комнате. На старое здание с протекающими окнами — едва ли.

Я раскрыла маленький дорожный футляр.

На тёмной ткани лежала брошь с синим камнем и двумя серебряными листьями. Касрен подарил её к первому большому приёму после нашей свадьбы, когда я ещё верила, что его желание выбирать мои наряды связано исключительно с хорошим вкусом.

С этой брошью меня несколько раз писали для семейных портретов.

На всех я выглядела спокойнее, чем чувствовала себя в тот момент.

Ювелирная лавка находилась через улицу. В её витрине поблёскивали серьги, перстни и тонкие цепочки, а у двери стоял деревянный ящик, на который посетители ставили мокрые зонты.

За прилавком работала женщина с увеличительным стеклом на шнурке.

Она выслушала меня, расстелила сукно и предложила положить брошь.

— Вы хотите продать её окончательно или оставить с правом выкупа?

Я провела большим пальцем по застёжке.

При мысли о выкупе возник соблазн представить, что всё это ненадолго. Что через месяц я вернусь сюда, достану деньги и заберу кусочек прежней жизни, подтверждая, что ничего настоящего не потеряла.

Но за возможность утешить себя пришлось бы получить меньше.

— Продать окончательно.

Женщина внимательно осмотрела камень, взвесила оправу и открыла книгу.

— Я предложу девять золотых. Стоимость работы целиком вы не вернёте, но оправка хорошая, а камень мне подходит.

Я не знала, справедлива ли цена. Воспоминания о том, сколько Касрен тратил на подарки, оказались бесполезными: при мне он сумм не называл.

— Вы можете записать вес и то, как складывается оценка?

Ювелир посмотрела на меня внимательнее, но возражать не стала. На маленьком листке появились несколько строк и подпись.

Девять золотых не превращали меня в состоятельную хозяйку. Однако они давали возможность не возвращаться к магистру с просьбой разыскать бывшего мужа ещё до вечера.

Когда женщина отсчитала деньги, я закрыла пустой футляр слишком резко.

Она сделала вид, что не заметила.

— За углом есть лавка хозяйственных товаров, — сказала она, убирая брошь в ящик. — У вас на манжете белила. Полагаю, вы затеяли ремонт?

Я посмотрела на рукав.

Белый след остался ещё вчера, когда я держалась за облупившуюся ограду лечебницы.

— Пока я только пытаюсь понять, с чего его начать.

— Тогда не покупайте сразу всё, что вам предложат. Особенно стекло, пока не снимете размеры.

Этот совет оказался настолько простым и уместным, что я впервые за утро улыбнулась.

Через полчаса у меня были плотное промасленное полотно для временного закрытия окна, верёвка, небольшой молоток, гвозди, щётка и свечи. Я добавила хлеб, сыр и несколько яблок, а потом остановилась перед полкой с новыми медными тазами и заставила себя отойти.

Таз мог подождать, пока я выясню, нет ли в доме старого.

Два золотых я убрала отдельно. Это были деньги на случай, если в лечебнице окажется невозможно ночевать. Прятать их глубоко не стала: мне требовалась возможность принять разумное решение, а не доказать Касрену свою храбрость любой ценой.

У прилавка пожилая покупательница пыталась дотянуться до бумажного свёртка, который хозяин положил на высокую полку. Я придвинула к ней свёрток, и она благодарно кивнула, продолжая обсуждать цену ткани.

Движение получилось привычным.

До того как оказаться в этом мире, я работала специалистом по бытовой реабилитации: помогала людям после травм и болезней заново осваивать повседневную жизнь. Подбирала удобное расположение вещей, продумывала помещения, искала вместе с ними способ справиться с тем, что прежде получалось само собой.

Иногда важнее всего оказывалась не сложная конструкция, а ручка, до которой человек мог дотянуться без чужой помощи.

Здесь мои знания долго казались никому не нужными. В домах богатых драконов на любой неудобный порог можно было поставить слугу, а попытки объяснить, почему это не всегда хорошее решение, быстро утомляли слушателей.

Касрен позволял мне рисовать переделки для сада и говорил, что у его жены занятое увлечение.

Я так и не рассказала ему, где этому научилась.

Когда нанятая повозка остановилась у магистрата, привратник помог погрузить чемоданы, а возчик пристроил покупки так, чтобы дождь не затёк под полотно.

— К Белому мосту? — переспросил он. — Там дорогу размыло у поворота, придётся объехать по верхней улице.

Я уже приготовилась услышать, что цена вырастет, но мужчина только затянул ремень на поклаже.

— Сядете впереди или под навесом?

Я выбрала место рядом с ним.

Пока мы ехали через город, он рассказывал, где после дождя лучше не сворачивать и у кого можно заказать доски без долгого ожидания. Мне не пришлось объяснять, почему я путешествую без герба на дверце и везу собственный хлеб.

К тому времени, когда показалась белая арка моста, я перестала ждать этих вопросов.

Лечебница стояла чуть выше реки, за невысокой оградой. По левую сторону от главного дома тянулся сад, а справа виднелось одноэтажное жилое крыло с целой черепичной крышей.

Вблизи дом выглядел хуже, чем вчера сквозь решётку.

С одного края навеса свисала водосточная цепь. Вдоль стены лежали снятые ставни. Широкий пологий подход к дверям был завален досками и остатками сломанной тележки, поэтому к крыльцу приходилось подниматься по ступеням.

Зато из трубы по-прежнему шёл дым.

Я успела обрадоваться этому, прежде чем дверь бокового крыла распахнулась.

— Камень здесь не продаётся! — крикнула женщина с крыльца. — И ограду я тоже снять не дам, что бы вам ни обещали!

Возчик придержал лошадь.

— Полагаю, нас ждали не с хлебом, — заметил он.

* * *

Женщина спустилась к калитке, не торопясь открывать.

На вид ей было под шестьдесят. Седые волосы она убрала в тугой узел, рукава тёмного платья подвернула, а поверх надела выцветший передник. В одной руке она держала связку небольших ключей, в другой — садовую лопатку.

Судя по тому, как уверенно лежала лопатка у неё в ладони, разговорами дело при необходимости не ограничивалось.

— Мы ничего разбирать не собираемся, — сказала я. — Меня зовут Ясвена Риоль. Сегодня мне передали лечебницу.

Женщина посмотрела на повозку, потом на мою одежду.

— Предыдущий человек тоже говорил, что ему всё передали. А начал с дверных ручек.

Я достала акт, стараясь не подставить его под дождь.

— У меня есть документ из магистрата. Можете прочитать под навесом.

При упоминании магистрата она наконец отперла калитку.

Мы прошли к боковому входу. Здесь было сухо, пахло древесиной и горячим хлебом, хотя самого хлеба я не увидела. Женщина вытерла руки о передник и принялась изучать бумагу.

Читала она медленно, не пропуская ни строки.

После сегодняшнего утра это мне понравилось.

— Дорвей, — произнесла она, дойдя до имени прежнего владельца. — Так вы его жена?

— До полудня была его женой.

Женщина подняла глаза, затем посмотрела на мои чемоданы в повозке.

Лопатка опустилась.

— И он отдал вам это место?

— Взамен содержания.

Она выдохнула через нос, но от замечания удержалась.

Я вдруг почувствовала, что ещё одно сочувственное объяснение моей глупости перенесу хуже, чем утренние слова Касрена.

— Мне известно, что дом в плохом состоянии, — сказала я. — Я не рассчитываю открыть все двери завтра. Но хочу понять, можно ли здесь жить и что необходимо сделать в первую очередь.

— Жить можно в боковом крыле. Я же живу.

— Вы Терисса?

— Терисса Лут. Если Дорвей предупредил вас, что здесь сидит упрямая старуха, то это обо мне.

— Он сказал, что за зданием присматривает бывшая смотрительница.

— Присматривает — громкое слово, когда у здания одна крыша, а вёдер под ней всё больше.

Она вернула мне документ, задержав пальцы на нижнем крае.

— Бумагу уберите подальше от сырости. Здесь с ней быстро будет то же самое, что с прошлыми хозяевами: сперва покоробится, потом толку не останется.

Возчик кашлянул, скрывая улыбку.

Терисса посмотрела на него и указала на пологий проход.

— Довезти вещи до двери сможете, если сначала эту рухлядь отодвинем. По ступеням не тащите, средняя плита шатается.

Я подошла к навалу досок.

Большая часть оказалась ещё годной, но кто-то сложил их поперёк прохода, а сверху бросил раму от тележки. Всё это можно было перенести под навес у сарая, если не хвататься за кучу целиком.

— Почему их оставили здесь?

— Весной приезжали рабочие Дорвея, делали обмеры. Сказали, что вернутся за материалами. Я мелочь унесла, а остальное мне одной не поднять.

Я посмотрела на ровный каменный склон, по которому можно было спокойно подкатить и повозку, и кресло, и тяжёлую корзину.

— Тогда сначала освободим дорогу. Вы покажете, куда складывать доски, а мы перенесём.

Терисса нахмурилась.

— У вас платье хорошее.

Я расстегнула дорожную накидку и положила её на сухую скамью.

— Оно переживёт несколько досок. Помогите лучше найти место, где их не зальёт снова.

Возчик согласился задержаться за небольшую доплату и взялся за самый тяжёлый край. Я собирала то, что могла унести сама, а Терисса придерживала калитку сарая и отделяла целые доски от совсем испорченных.

Через четверть часа к двери уже можно было подойти, не выбирая, какую ногу поставить на шаткую ступень.

Я провела подошвой по освободившемуся камню. Теперь здесь можно было пройти, не глядя под ноги.

Но когда Терисса прошла по освобождённому подходу с двумя сумками, не спускаясь на мокрую землю, я ощутила первое за день удовольствие от сделанного.

Вещи внесли внутрь. Я расплатилась с возчиком, спросила, где его искать при необходимости, и записала название стоянки на обороте ювелирной оценки.

Он уехал, пожелав нам успеть до следующего ливня.

Терисса проводила его взглядом.

— Вы его прежде знали?

— Сегодня впервые увидела.

— А уже записали, где найти.

— В доме много тяжёлого. Было бы хорошо не искать каждый раз нового человека.

Она ничего не ответила, но забрала с порога мои покупки и отнесла их на кухню.

Главный вестибюль оказался светлее, чем я ожидала. Сквозь высокое окно над дверью проникал серый дневной свет. На полу сохранился рисунок из тёмных и светлых каменных полос, а вдоль стен стояли скамьи с удобными спинками.

У одной скамьи не доставало доски.

Рядом с двойными дверями висела табличка, запрещающая пользоваться восстановительными залами до нового обследования.

— Сюда я не пускаю, — предупредила Терисса, заметив мой взгляд. — Жилые комнаты с другой стороны. Там полы крепкие.

Я приблизилась к двойной двери, но открывать не стала.

Поперёк белого порога тянулась тонкая трещина. На первый взгляд она казалась обычной, как десятки других следов запустения, однако возле её края темнела узкая металлическая вставка.

Я вспомнила предупреждение Касрена.

— Что это за порог?

— Общий для залов. Через него проходили, когда готовили их к работе. Пока не осмотрят, трогать ничего не надо.

— Я не собираюсь. Хотела только понять, безопасно ли нам здесь находиться.

Терисса внимательно посмотрела на меня.

— В жилом крыле можно. Последний проверяющий это подтвердил. На верхнюю веранду пока не ходите, там я сама не уверена в настиле.

Это было первое действительно полезное объяснение, которое я получила о своём новом имуществе.

Мы прошли через кухню в небольшой коридор.

Здесь оказалось четыре комнаты, кладовая и выход во двор. Одну комнату занимала Терисса. В другой хранились снятые занавески, посуда и сложенное бельё. Третья могла бы стать моей, если бы по стене под окном не стекала вода.

Четвёртая была сухой, но почти целиком заставленной сундуками.

— На первую ночь можно освободить лежанку в кладовой, — сказала Терисса. — Я бы давно закрыла это окно, да снаружи планка оторвалась, а изнутри держать и прибивать одной неудобно.

Я поставила покупки на стол.

— У меня есть полотно. До настоящего ремонта оно поможет?

Она проверила край ткани пальцами.

— Если натянуть снаружи и закрепить под верхней планкой, вода пойдёт мимо рамы. Стекла всё равно придётся заказывать.

— Сначала снимем размеры. Сегодня мне уже объяснили, что покупать их на глаз — дорогая привычка.

Терисса одобрительно хмыкнула и отправилась за старой складной подставкой.

Я открыла чемодан, достала простое шерстяное платье и переоделась за дверью. Сняв дорожный наряд, увидела на коже красные следы тесных застёжек. Потёрла их ладонью — и только тут почувствовала, как устала.

Несколько мгновений я сидела на краю сундука, глядя на собственные руки.

Очень хотелось лечь прямо сейчас, даже в сырой комнате, и отложить весь день на завтра.

За стеной Терисса с усилием передвигала подставку.

Я встала.

* * *

К окну мы подошли с разных сторон: Терисса осталась внутри, а я вышла во двор.

До верхней планки можно было дотянуться с подставки. Всё равно работа оказалась неприятнее, чем представлялась. Дождь затекал за ворот, старые гвозди не желали выходить, а полотно норовило свернуться именно в тот момент, когда я отпускала край.

— Сильнее натягивать не надо, — сказала Терисса из комнаты. — К утру дерево поведёт, и всё вырвет.

Я ослабила край.

— Хорошо, что вы это знаете.

— Если бы не знала, давно спала бы с открытым небом над головой.

Мы несколько раз менялись местами. Я испортила один гвоздь, Терисса сердито забрала его и отложила в сторону, словно он лично подвёл нас обеих.

Когда наконец удалось закрепить полотно, вода перестала стекать на подоконник.

Я осталась снаружи ещё на минуту, наблюдая за рамой, и только потом вернулась в дом. В комнате было сумрачно, но сухой полоски под окном пока хватало, чтобы почувствовать себя почти победительницей.

— До первой настоящей непогоды продержится, — оценила Терисса.

— Разве это не настоящая?

Она посмотрела на меня с таким выражением, что я решила больше не спорить о погоде.

Мы вытерли пол, отодвинули узкую кровать от наружной стены и принесли из соседней комнаты сухой тюфяк. Терисса показала, где хранится целое бельё. Я сперва потянулась за верхней стопкой, но заметила, как она придерживает правый локоть, когда пытается достать наволочку.

— Давайте переложим то, чем вы пользуетесь чаще, на нижнюю полку, — предложила я.

Она сразу выпрямилась.

— Я могу сама снять бельё.

— Конечно. Но тогда каждый раз придётся тянуться. Здесь снизу стоят пустые коробки, им высота безразлична.

Терисса посмотрела на шкаф.

— Простыни лучше оставить справа. Я так привыкла.

— Значит, справа и оставим.

Мы переставили две стопки, а коробки убрали наверх. Она проверила, удобно ли достать край простыни, и больше к этому разговору не возвращалась.

Я тоже не стала.

Потом пришлось вымести под кроватью, отмыть небольшой стол и разобраться, какая из двух старых кружек не протекает. К середине работы у меня заболела спина, и я села на сундук, пока Терисса разбирала принесённое бельё.

— Вы прежде работали в таком месте? — спросила она.

Я подняла голову.

— Почему вы решили?

— Сначала освободили подход к двери. Потом спросили про полы, а не про занавески. И шкаф передвинули без долгого разговора о моей руке.

Я посмотрела на окно, за которым темнел мокрый сад.

О Земле нельзя было рассказать между разговором о простынях и поисками целой кружки. Я сама до сих пор не знала, как объяснить то, что произошло со мной четыре года назад, не превратив свою жизнь в историю, которой никто не поверит.

Но и лгать о своих умениях не хотелось.

— Мне приходилось помогать людям устраивать быт так, чтобы они меньше зависели от чужой помощи, — ответила я. — Здесь всё иначе, особенно залы. С ними я ещё не умею обращаться.

Терисса расправила угол простыни.

— Я умею. Не со всем, что под полами, там нужны мастера, а с обычной работой залов знакома. Двадцать шесть лет здесь провела.

Впервые с нашего знакомства она сказала о лечебнице без раздражения.

Я чуть подалась вперёд.

— Что здесь делали?

Терисса отложила бельё.

— Принимали тех, кого подвели переходы. Человек выходил из них живой, а потом не мог верно шагнуть, удержать равновесие или понять, на каком расстоянии от него вещь. У всех по-разному. В залах пространство можно было подстроить так, чтобы оно не мешало учиться заново.

Я вспомнила широкий подъезд, скамьи вдоль стен и низко расположенные ручки дверей.

Дом начинал складываться в понятное целое.

— И все возвращались к прежней жизни?

— Не все, — ответила Терисса без колебаний. — У кого-то получалось больше, у кого-то меньше. Но человек хотя бы переставал ждать, пока за него всё сделают.

Она провела ладонью по сложенной ткани.

— Здесь раньше с утра голоса были слышны. Некоторые ругались, некоторые смеялись. Один мастер спорил со мной из-за каждой скамьи, потому что считал, будто я неправильно выбираю дерево. Потом прислал две собственные. До сих пор в вестибюле стоят.

Я оглянулась на дверь.

Скамьи и вправду отличались от остальной мебели: простые, крепкие, со слегка расширенными подлокотниками.

— Почему всё закрыли?

Терисса помолчала.

— После аварии. Людей вывели, работу остановили, обещали разобраться и всё проверить. Через год Дорвей купил здание. Потом обещаний стало меньше, а желающих вывезти что-нибудь полезное — больше.

— Вы оставались здесь всё время?

— Мне было куда уйти, — сказала она с неожиданной резкостью. — Не думайте, что я держалась за этот дом только потому, что больше никто не пустил бы на порог.

Я поняла, что спросила неосторожно.

— Я так не думала.

Она посмотрела на меня, будто решая, стоит ли верить.

— Сначала надеялась, что откроют снова. Потом стало жалко оставить всё тем, кто и бельё не отличит от ветоши. Я понемногу шью для соседей, в саду ещё кое-что растёт. До сегодняшнего дня справлялась.

В её голосе не было просьбы.

Тем важнее мне показалось не отделаться сочувствием.

— Я не могу сейчас обещать, что лечебница снова заработает, — сказала я. — Сначала нужно узнать, во что обойдётся проверка и что осталось целым. Но за вашу работу платить буду. Сегодня мы обе приводим дом в порядок, а завтра я запишу расходы и мы договоримся о жалованье.

— Не спешите раздавать деньги, пока не увидели крышу над кладовой.

— Поэтому и не обещаю сумму, которой у меня нет.

Терисса чуть склонила голову.

— Тогда сначала поедим. С крышей на пустой желудок договариваться бесполезно.

На кухне нашлась большая глиняная миска, два ножа и совершенно целый стол. Оказалось, запах хлеба шёл от небольшой буханки, которую Терисса испекла утром. Мой хлеб она завернула и убрала на завтра, зато сыр и яблоки приняла без возражений.

Я сидела у очага, грея ладони, пока она ставила воду.

Никто не спрашивал, почему на мне простое платье. Никто не поправлял, как я держу нож, и не напоминал, что даме следует есть медленнее.

Я уже поднесла хлеб ко рту, когда горло сжалось. Пришлось отложить ломоть и сделать вид, что грею руки над чашкой. Неужели за этим простым ужином я была свободнее, чем когда-либо за столом собственного мужа?

Терисса заметила, что я замолчала, но не полезла с расспросами. Только подвинула ко мне тарелку поближе.

Я отрезала хлеб и спросила, где поблизости заказывают стекло.

После ужина мы составили короткий перечень необходимого. Большую часть хотелось сделать немедленно, однако пришлось разделить работы на те, без которых нельзя прожить, и те, без которых пока можно обойтись.

Комната у меня уже была.

Дверь в неё запиралась изнутри, сухое бельё пахло старым шкафом, а на столе помещались свеча, документы и записная книжка.

Я поставила чемодан у кровати и впервые за день поняла, что сегодня не придётся никуда ехать.

* * *

Старый план я нашла, когда искала место для второй свечи в вестибюле.

У стены стоял низкий шкаф с перекошенной дверцей. Сверху лежали деревянные крючки, пустая рамка и стопка выцветших объявлений. Я перенесла их на скамью, чтобы освободить ровную поверхность, и заметила за шкафом край большой застеклённой доски.

Она висела слишком низко: видимо, раньше здесь не ставили мебель.

Под пыльным стеклом проступали тонкие линии.

— Терисса, это можно отодвинуть?

Она выглянула из кухни.

— Если за левый край, дверца отвалится. Беритесь снизу.

Шкаф оказался почти пустым. Мы осторожно сдвинули его, и я протёрла стекло сухим краем тряпки.

За ним находился план первого этажа лечебницы.

Я приблизила свечу, не касаясь стекла огнём.

На рисунке были обозначены главный вход, вестибюль, боковое жилое крыло и длинный внутренний коридор. По обе стороны от него располагались восстановительные залы. В нижнем углу виднелись подпись составителя и круглая печать.

Такого подробного чертежа в переданных мне бумагах не было. К акту приложили только границы участка и общий внешний вид здания.

— Этот план соответствует дому? — спросила я.

— Соответствовал. Его ещё при прежней хозяйке повесили, чтобы посетители не блуждали.

Я провела пальцем по стеклу.

По три зала располагались с каждой стороны коридора: нечётные — слева, чётные — справа. Седьмой занимал дальний конец, поперёк остальных помещений.

— Получается, здесь семь залов?

— Всегда было семь.

Я посмотрела на двойную дверь.

За ней весь вечер сохранялась тишина. Мы не открывали её: для того, чтобы подготовить комнату и закрыть окно, идти туда не требовалось.

Теперь мне захотелось хотя бы увидеть то, что я получила.

— Запрет относится к работе залов или входить туда тоже нельзя?

Терисса подошла к табличке и провела пальцем по нижней строке.

— Пользоваться ими нельзя. Осматривать разрешено, если не трогать напольные знаки и устройство порогов. В жилой части я всё проверяю сама, а там с весны не была. Рабочие Дорвея заперли переход после обмеров, ключ увезли.

Я достала латунный ключ.

— Тогда посмотрим от дверей. Если полы покажутся ненадёжными, дальше не пойдём.

— Возьмите лучше фонарь. Со свечой в большом коридоре ничего не разглядите.

Она принесла из своей комнаты небольшой фонарь и зажгла его от кухонного огня.

Замок на двойной двери поддался не сразу. Мне пришлось придержать створку, чтобы снять нагрузку с перекошенного засова. Когда ключ наконец повернулся, изнутри потянуло холодным воздухом и пылью.

Мы переступили через белый порог, стараясь не задеть металлическую вставку.

Коридор выглядел неожиданно целым.

В нём не было рухнувшего потолка, провалившегося пола или груды мусора, которую я уже успела представить. На стенах сохранились выцветшие узоры. Вдоль одной стояли низкие опоры с гладкими деревянными поручнями.

В дальнем конце виднелось высокое окно.

Терисса остановилась рядом со мной.

— Здесь стало светлее, — сказала она.

Я подняла фонарь.

Первые двери находились почти напротив входа в коридор. На левой сохранилась небольшая пластинка с единицей, на правой — с двойкой.

Мы открывали каждую дверь по очереди, оставаясь у порога.

В первом зале стояли широкие скамьи, а по полу шли дуги из светлого камня. Во втором вдоль стен тянулись деревянные опоры разной высоты. Третий оказался почти пустым, если не считать сложенных в углу полотняных чехлов.

Все помещения выглядели заброшенными, но узнаваемыми. Терисса то и дело называла вещь прежде, чем свет фонаря добирался до неё.

— Вон тот поручень всегда скрипел, — говорила она. — Его подтягивали каждую осень. А в четвёртом смотрите под ноги, у двери отколот край плиты.

Отколотый край нашёлся именно там, где она предупредила.

В пятом зале рамы закрывали ставни. В шестом дождь стучал по узкому стеклу над садом, а у стены сохранилась длинная скамья с выгнутой спинкой.

За шестым двери закончились.

Я прошла до высокого окна в конце коридора и остановилась.

За стеклом темнела яблоня. На ветвях держались несколько мелких плодов, и ветер время от времени прижимал к раме мокрые листья.

На плане здесь находился вход в седьмой зал.

Я оглянулась.

Три двери слева. Три справа. Никакого поворота, лестницы или узкого прохода за выступом стены.

— Возможно, к нему попадали через другой зал? — спросила я.

Терисса не ответила сразу.

Она подняла фонарь выше и медленно провела светом по стене возле окна.

— Вход был отсюда.

— А само окно перенесли?

— Здесь не было окна.

Я вернулась в вестибюль, сняла план с двух металлических крючков и принесла его в коридор. Стекло делало доску тяжёлой, поэтому мы поставили её на пол, прислонив к стене.

По чертежу всё совпадало.

Расположение первых шести залов, небольшие ниши для скамей, двери боковых кладовых — всё находилось на своих местах. Только седьмой зал, изображённый в конце, не имел никакого соответствия в доме.

— Его могли разобрать ещё до того, как заперли переход, — предположила я. — Вы бы заметили работы снаружи?

Терисса повернулась ко мне.

— Я здесь жила, госпожа Риоль. Чтобы разобрать дальнюю стену, пришлось бы ходить мимо моей кухни. И я помню этот зал не по рисунку.

Она подошла вплотную к окну.

— У его входа стояла широкая дверь с двумя ручками. Одна выше, другая ниже. Внутри было круглое окно с грушевой веткой на цветном стекле. По вечерам листья отражались на полу.

Её голос сделался тише.

— Я сама закрывала там ставни перед тем, как лечебницу остановили. А прошлой зимой ещё заносила туда чехлы.

Я снова осмотрела кладку.

Можно было заложить дверь и замазать швы. Можно было снять перегородку, объединить комнаты, ошибиться при составлении плана. Однако ни один из этих вариантов не объяснял, почему на месте предполагаемого входа оказалось наружное окно, а сразу за ним — сад.

Мы вернулись в кухню, надели накидки и вышли во двор.

Дождь почти закончился. Терисса держала фонарь, пока я обходила дом со стороны сада и искала выступ, пристройку или хотя бы след старого фундамента.

Ничего похожего не нашлось.

Дальний фасад был ровным. Каменная дорожка проходила вдоль стены без разрыва, яблоня росла так близко, что корни приподняли несколько плит. Кладка вокруг окна потемнела от времени точно так же, как на соседних участках.

Если здесь и стояло ещё одно помещение, снаружи дом не сохранил о нём никакой памяти.

Я не стала трогать фундамент или пытаться проверить стену молотком. Для этого требовался человек, который понимал, как устроены здешние здания изнутри.

Но считать двери я умела.

В вестибюле Терисса поставила фонарь рядом с планом и сняла мокрую накидку.

— Может быть, я чего-то не понимаю в таких постройках, — сказала я. — Пространство иногда бывает больше, чем дом снаружи. Вы говорили, что залы могли меняться. Если их остановили, седьмой мог просто... перестать открываться?

Она медленно покачала головой.

— Когда зал закрывали, дверь оставалась. Можно было не попасть внутрь, но найти её мог любой.

Я посмотрела на тяжёлый латунный ключ в своей руке.

Утром Касрен советовал не трогать главный порог. Тогда это прозвучало как очередное замечание человеку, который непременно всё испортит без его надзора.

Теперь мне хотелось услышать это предупреждение ещё раз и посмотреть, каким будет его лицо, если я спрошу о седьмом зале.

Я разложила рядом акт передачи и старый план. Под пальцами шуршала плотная бумага с ещё свежей печатью магистрата.

Лечебница принадлежала мне вместе со всеми её внутренними пространствами.

На заверенном плане было семь залов. Терисса помнила каждый, и первые шесть мы только что обошли.

Для седьмого в доме больше не существовало даже места.

Глава 2. Дракон, который приехал закрыть дом

— А если после проверки нам велят уйти? — спросила Терисса, когда я положила перед собой чистый лист.

Перо остановилось над бумагой. До этого я думала о пропавшем зале, о странном предупреждении Касрена и о том, что утром нужно найти человека, разбирающегося в пространственных постройках. Теперь пришлось представить, как мы снова грузим мои чемоданы в повозку, а Терисса решает, какие вещи можно забрать из дома, где она провела почти половину жизни.

— Тогда мы хотя бы будем знать причину, — ответила я. — Хуже, если кто-нибудь войдёт в дверь, которая завтра окажется совсем в другом месте.

Терисса поправила фитиль фонаря.

— Прежде такого не случалось.

— Я верю. Но вчера вы бы сказали, что в конце коридора есть седьмой зал.

Она посмотрела на план, затем пододвинула ко мне чернильницу.

Мы составили письмо в службу надзора. Я описала то, что видела сама, а Терисса добавила, когда в последний раз входила в исчезнувшую комнату. Имя Касрена появилось только там, где речь шла о прежнем владельце и приезжавших весной рабочих. Обвинять его мне было пока не в чем, хотя вычеркнуть из памяти латунный ключ, так легко положенный на стол магистрата, не получалось.

Закончив, я заперла двойную дверь.

Ночью несколько раз просыпалась от стука веток по временному полотну на окне. Каждый раз прислушивалась к дому и пыталась понять, все ли звуки доносятся оттуда, откуда должны. Под утро эта бессмысленная проверка утомила меня сильнее, чем вчерашняя работа.

Письмо унесла соседка, заглянувшая к Териссе за починенным передником. После полудня служебный посыльный привёз ответ: осмотр назначили на следующее утро. До него разрешалось заниматься обычной уборкой и переносной мебелью, не затрагивая каменные пороги, напольные знаки и сами переходы.

Я прочитала разрешение дважды, прежде чем достать щётку.

Мы выбрали первый зал, ближайший к входу в восстановительное крыло. Терисса утверждала, что его устройство было самым простым. Мне же было спокойнее знать, что до вестибюля отсюда всего несколько шагов.

Пыль лежала так плотно, что после первых взмахов щёткой я закрыла лицо платком. Пришлось работать медленнее, чем хотелось. Зато под серым налётом обнаружился ровный пол, а широкие скамьи оказались крепче, чем выглядели.

Две переносные стойки из кладовой расшатывались при малейшем нажиме. Терисса послала за знакомым столяром, и тот провёл у нас остаток дня: укрепил соединения, заменил треснувшую поперечину и запретил пользоваться третьей стойкой, пока не найдётся подходящее дерево. Я рассчиталась с ним, оставив опасную вещь в сарае, где на неё никто не мог случайно опереться.

Там же, за кухонным столом, мы договорились о плате Териссе. Она настояла, чтобы два утра в неделю по-прежнему оставались за её шитьём, а я отложила деньги на первые семь дней отдельно от хозяйственных расходов.

К вечеру у нас был чистый зал, две надёжные опоры и гораздо меньше денег, чем утром. Два золотых, оставленные на непредвиденный случай, я не тронула.

На следующее утро инспектор приехал, когда я пыталась снять со щеки след пыли, глядя в потемневшую дверную ручку.

— Госпожа Риоль?

Я обернулась слишком быстро и задела плечом косяк.

На пологом подходе стоял высокий мужчина в тёмном дорожном плаще. Он держал узкий кожаный футляр и сложенную папку, а за оградой его гнедой конь щипал траву возле привязи.

— Вы из службы надзора? — спросила я, убирая тряпку за спину.

— Тайрвен Оррис, королевский инспектор пространственных сооружений.

Он показал знак на внутренней стороне отворота. Под небольшой короной расходились три серебряные линии, заключённые в круг. Такой же знак стоял на вчерашнем ответе.

Я открыла дверь шире.

Вблизи он оказался моложе, чем я ожидала: лет под сорок, с тёмными волосами и несколькими серебристыми прядями у висков. По краю скулы, там, куда падал утренний свет, проступил узкий ряд дымчатых чешуек. Пока мужчина убирал знак, они исчезли под кожей.

Дракон.

Я невольно крепче сжала тряпку.

— Прежде чем мы войдём, мне нужно знать, есть ли кто-нибудь в восстановительном крыле, — сказал он.

— Там никого нет. Терисса на кухне, а я ждала вас.

— После обнаружения несоответствия вы что-нибудь меняли?

— Только то, что разрешили в ответе. Убрали пыль в первом зале и привели в порядок две переносные опоры. Вчера приходил столяр, но к порогам он не прикасался.

Инспектор задержал взгляд на свежей стружке, прилипшей к краю моей юбки.

— Я должен предупредить вас сразу: возможно, сегодня придётся закрыть главный корпус.

Я стиснула за спиной тряпку. За два дня успела вычистить всего одну комнату, потратить деньги, пообещать Териссе жалованье — и уже могла всего лишиться. Голос Касрена, предрекавшего мне неудачу, вспомнился с такой ясностью, будто бывший муж стоял рядом.

— Вы приехали определить, опасен ли дом, или подтвердить готовое решение?

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Определить. Но здание, в котором отсутствует целое помещение, нельзя признать пригодным для работы только потому, что остальные комнаты выглядят целыми.

— Поэтому я вам и написала.

Тайрвен чуть склонил голову, принимая ответ, и протянул предписание.

Я прочитала его у двери. Никакого решения о закрытии там действительно не было: только поручение обследовать лечебницу и установить, какой частью здания можно пользоваться.

Когда я вернула бумагу, он не поторопил меня и не напомнил, сколько стоит его время.

— Проходите. План и записи мы оставили в вестибюле.

* * *

Терисса вышла навстречу с большой книгой, перевязанной тесьмой.

При виде знака на плаще её лицо стало строже. Она поздоровалась, назвала себя и положила книгу на стол с такой осторожностью, будто в ней было не меньше ценности, чем в акте собственности.

— Журнал смотрительницы. Здесь работа залов до закрытия и мои записи после.

Тайрвен снял плащ. Под ним оказался простой серый камзол без вышивки, плотно сидевший на широких плечах. На одной манжете виднелся аккуратный шов, словно ткань недавно зацепили и починили, не сочтя нужным заменить вещь целиком.

Он открыл журнал на последней заполненной странице.

— Когда вы записали отсутствие седьмого зала?

— Позавчера вечером, сразу после осмотра, — ответила Терисса. — А до этого я заносила туда чехлы зимой. Точную дату искать придётся, но я помню, что тогда ещё мост от снега чистили.

— Поищите, пожалуйста. И отдельно отметьте, кто мог входить в крыло после этого.

Ничего в его голосе не выражало сомнения в её словах. Тем не менее Терисса, кажется, ждала возражений, потому что добавила:

— Круглое окно с грушевой веткой я не могла перепутать с другим.

— Я не предлагаю вам это делать, госпожа Лут. Мне нужно сузить время, за которое произошло изменение.

Она некоторое время смотрела на него, затем развязала тесьму окончательно и начала перелистывать книгу.

Я отперла двойную дверь.

Тайрвен присел у общего порога, не заходя внутрь. В раскрытом футляре лежали тонкие металлические рамки, моток светлого шнура и небольшой прибор с двумя подвижными стрелками. Он поставил прибор возле трещины, провёл пальцами над тёмной вставкой и замер, наблюдая за стрелками.

Мне очень хотелось спросить, что он увидел, но я дождалась, пока он уберёт руку.

— Трещина проходит через наружную плиту, — объяснил он. — Само крепление под ней пока держится. Кто-нибудь пытался его вскрыть?

— При мне — никто. Касрен отдельно предупредил, чтобы я не подпускала сюда случайных мастеров.

Тайрвен поднял глаза.

— Он объяснил причину?

— Сказал, что в старых зданиях такие вещи не меняют по прихоти хозяйки.

Инспектор снова посмотрел на металлическую вставку.

— В этой части совет разумный. Только предупреждать о состоянии опоры полагается до передачи здания.

Я не удержалась:

— Тогда некоторые здания пришлось бы оставить себе.

На мгновение угол его рта дрогнул, но он уже возвращал прибор в футляр.

Мы прошли по коридору. Тайрвен осматривал двери, сравнивал расстояния с планом, несколько раз возвращался к уже пройденному месту. Возле высокого окна в конце он задержался дольше всего.

Я стояла рядом, глядя на яблоню.

При дневном свете отсутствие седьмого зала выглядело ещё убедительнее. Снаружи по каменной дорожке скакала маленькая птица, и в этом обыкновенном движении было что-то обидное: дом явно не собирался объяснять, куда дел часть самого себя.

Тайрвен установил одну рамку на подоконнике, вторую — на полу. Светлая нить между ними выпрямилась, хотя он не натягивал её руками.

— Это окно было здесь при последнем осмотре? — спросил он.

— Я не присутствовала при самом осмотре, — сказала Терисса. — Проверяющий пришёл с людьми прежнего владельца. Мне потом оставили бумагу, что жилым крылом можно пользоваться. В восстановительную часть меня уже не позвали.

— Эту бумагу тоже сохраните.

— Она у меня в комнате.

Я заметила, что он не коснулся оконной рамы, пока не закончил измерение. Только после этого провёл пальцем по старому стыку камней.

— Вы можете понять, зал разрушили или перенесли? — спросила я.

— По нынешним границам здания я вижу только шесть помещений. Чтобы выяснить, что произошло с седьмым, нужно поднять прежние записи креплений и сравнить их с тем, что осталось под порогом.

— Значит, Терисса не ошиблась?

Он обернулся.

— План подлинный. Свидетельство госпожи Лут ему не противоречит. У меня пока нет причин считать, что седьмого зала никогда не существовало.

Я выдохнула, сама не заметив, когда задержала дыхание.

Тайрвен это увидел.

— Но я также не могу сейчас назвать причину его отсутствия, — добавил он. — Не стоит подменять неизвестное самым удобным объяснением.

— Вы имеете в виду прежнего владельца?

— Я имею в виду любое объяснение, которое не проверено.

Мне не понравилась необходимость согласиться, однако возразить было нечего.

Из коридора мы вернулись в вестибюль. Инспектор попросил показать жилое крыло, осмотрел наружные стены и основание у бокового входа. На верхнюю веранду подниматься не стал: посмотрел снизу на настил и подтвердил, что туда пока лучше не ходить.

Потом отдельно проверил кухню и обе занятые комнаты.

Когда он остановился у моего окна, я вдруг увидела всё его глазами: полотно вместо стекла, узкую кровать, два чемодана и аккуратно сложенное хорошее платье на крышке сундука.

Тайрвен проверил, не тянет ли воду под раму.

— Стекольщик уже приходил?

— Будет завтра. Размеры я записала, но он всё равно хочет снять свои.

— Правильно хочет.

Я приготовилась услышать совет на это время переселиться в гостиницу, но мужчина только поправил край полотна, который зацепился за заусенец.

— Жилое крыло стоит на обычном основании. Его положение не зависит от работы залов. Оснований выселять вас отсюда я сейчас не вижу.

Терисса, ждавшая в коридоре, шумно поставила на пол пустое ведро.

Кажется, она тоже прислушивалась к каждому слову.

Я почувствовала такое облегчение, что пришлось опереться пальцами на край стола. По крайней мере, сегодня наши вещи останутся там, где мы их положили.

— А первый зал? — спросила я.

Тайрвен посмотрел на мои руки, затем на дверь.

— Сначала закончим обследование.

В первом зале утренний свет ложился на широкие скамьи. Каменные дуги на полу после уборки стали отчётливее, и теперь я видела, что они начинаются возле порога, постепенно расходясь к дальней стене.

Две укрепленные опоры стояли вдоль средней части помещения. Столяр проверял их при мне, но Тайрвен всё равно нажал на каждую, затем осмотрел соединения.

— Это вы заказали?

— Да. Третья осталась в сарае, ею пока пользоваться нельзя.

— Почему выбрали этот зал?

— Он ближе всего к выходу. Здесь целые окна, сухой пол и достаточно места, чтобы поставить скамью так, как удобно человеку. Во втором готовых опор больше, но проход между ними узкий.

Он посмотрел на дуги под ногами.

— У этого зала мягче настройка расстояния, зато чувствительнее положение вещей. Переставлять здесь мебель во время работы нельзя.

— Мы ничего не включали. Терисса показала старую расстановку по журналу.

Я протянула раскрытую книгу.

На странице были нарисованы скамьи, несколько прямоугольников и маленькие кружки с подписями. Рисунки выглядели простыми, но по ним можно было понять, где сидел посетитель, откуда подходила смотрительница и какие участки оставляли свободными.

Тайрвен изучил страницу.

— Вы сохранили даже изменения между утренней и вечерней работой.

— Потому что к вечеру люди устали, — ответила Терисса. — И если утром человеку было удобно, это ещё не значило, что после полудня нужно оставить всё как есть.

Инспектор перевернул несколько листов.

На следующем развороте вместо аккуратного рисунка обнаружилась большая клякса.

— Это тоже изменение? — спросил он.

— Это прежний хозяин книги, — сказала Терисса. — Кот. Он умер девять лет назад, а некоторые последствия до сих пор мешают работать.

Тайрвен посмотрел на неё, и я впервые увидела, как он улыбается по-настоящему. Улыбка оказалась короткой и совершенно не соответствовала человеку, который утром собирался закрывать двери.

От неожиданности я отвела взгляд к скамьям.

Инспектор вернул журнал.

— Записи полезные. Но чистый пол и крепкая мебель не доказывают устойчивость пространства.

— Я этого и не утверждаю. Вы можете проверить один зал, не запуская остальные?

Он закрыл футляр, оставив снаружи прибор со стрелками.

— Без проверки общей опоры я не могу разрешить даже такой запуск. Сначала нужно понять, удастся ли изолировать первый зал от повреждённой части.

— Тогда сколько времени понадобится?

— На запрос и сверку старых записей — не один день. Возможно, несколько недель.

Я машинально прикинула, сколько останется после расчёта со стекольщиком. Потом ещё раз — будто при втором подсчёте денег могло прибавиться. Несколько недель у запертой двери. Я знала, что не вправе торопить проверку из-за своего кошелька, и от этого было только страшнее.

— Я не прошу вас разрешить приём без проверки, — сказала я. — Я спрашиваю, есть ли возможность проверить ближайший зал отдельно. Если её нет, объясните почему. Если есть, давайте выясним, что для этого требуется.

Тайрвен положил ладонь на спинку скамьи.

— Госпожа Риоль, вы только что получили здание, о котором почти ничего не знаете. Вполне естественно хотеть, чтобы оно поскорее оправдало ваш выбор. Но люди не должны становиться способом доказать, что этот выбор был правильным.

Я опустила глаза. Утром мне и правда хотелось доказать, что дом выбран не зря. Услышать это вслух от чужого человека оказалось почти невыносимо.

Лицо горело. Я расправила смятый угол листа и дождалась, пока смогу говорить ровно.

— Вы правы насчёт здания, — произнесла я наконец. — Я знаю о нём мало. А вот о том, как человек месяцами ждёт возможности сделать что-нибудь без чужой помощи, знаю достаточно. Мне хотелось бы понять, действительно ли ему нужно ждать полной проверки всех помещений, если работать можно в одном.

Тайрвен не перебил меня.

— Я согласна, что здесь нельзя полагаться на желание, — продолжила я. — Именно поэтому перед вами журнал, а у двери стоят опоры, которые можно проверить руками. Скажите, какие ещё результаты вам нужны.

Он некоторое время молчал. Потом снова открыл футляр.

— Мне нужно установить, можем ли мы ограничить работу первого зала, не затрагивая дальнюю часть. И проверить, что его границы сохраняются при нагрузке. Только после этого будет о чём договариваться.

Я отступила от скамьи, освобождая место.

— Тогда начнём с этого.

* * *

До полудня мне пришлось узнать, сколько разных способов существует у человека стоять в комнате и ничего не трогать.

Тайрвен переставлял измерительные рамки, Терисса сверяла положения напольных дуг с журналом, а я отмечала на отдельном листе, какую мебель куда перенесли до начала проверки. По просьбе инспектора мы освободили участок возле двери и убрали со стены тяжёлый крючок, висевший слишком низко над проходом.

Он работал без спешки, но почти не останавливался.

Один раз я заметила, как он осторожно распрямил плечи, прежде чем потянуться за рамкой. Движение длилось всего мгновение. В следующий раз, когда Терисса понесла через зал скамью за один край, он сразу попросил её оставить тяжесть и перенёс вещь вместе со мной.

— Госпоже Лут не следует сегодня больше поднимать мебель, — сказал он тихо, когда мы поставили скамью.

— Она вам об этом говорила?

— Она бережёт правую руку и делает вид, что просто торопится.

Я посмотрела в сторону Териссы. Она уже раскрывала журнал на нужной странице.

— Если сказать ей так прямо, станет доказывать, что вы ошиблись.

— Поэтому я сказал вам.

Мы остались стоять по разные стороны скамьи. Вблизи у Тайрвена оказались светлые глаза с тёмным ободком, и я почему-то заметила это именно сейчас, когда следовало спросить о следующем измерении.

Он первым отвёл взгляд.

— Вы тоже давно держите правое запястье у бедра. Ушибли?

Я опустила руку.

— Вчера слишком усердно работала щёткой.

— Тогда следующий час можно обойтись без доказательств вашего усердия.

— Вы всегда так разговариваете с владельцами зданий?

— Только с теми, кто пытается чинить их одновременно с моим осмотром.

Я уже собиралась возразить, что всего лишь переносу скамьи, когда он поднял оставшуюся рамку и указал на свободное место у стены.

— Подержите, пожалуйста, лист. Это сейчас полезнее.

Просьба прозвучала так буднично, что я взяла бумагу, не успев снова рассердиться.

Терисса вернулась к нам с журналом. Она показала небольшую пластину возле входа в зал, где сохранились неглубокие знаки.

— Обычно начинали с этого положения. Но после закрытия никто не трогал.

Тайрвен внимательно осмотрел пластину.

— Основное крепление первого зала цело. Я могу перекрыть отклик дальних помещений на время испытания. Это не сделает опору отдельной, но позволит не распределять работу по всему крылу.

— А седьмой зал? — спросила я.

— К нему сейчас вообще нет доступного пути. Мы не будем пытаться восстановить этот путь вслепую.

Он установил возле общей металлической вставки узкую перемычку и закрепил на ней измерительную нить. Затем вернулся к двери первого зала и попросил нас отойти в вестибюль.

Поначалу ничего не произошло.

Потом белая дуга у порога сделалась чуть ярче, словно на камень упал солнечный луч. Свет медленно прошёл по ближайшей полосе и остановился, не добравшись до середины комнаты.

Я вцепилась в край листа.

Зал не вырос, не повернулся и не изменил форму. Однако скамья у стены на несколько мгновений показалась ближе, чем прежде, а когда я моргнула, снова заняла привычное место.

— Из вестибюля не входить, — предупредил Тайрвен, не оборачиваясь.

Он дождался, пока обе стрелки на приборе замрут, и только после этого шагнул внутрь.

Мне захотелось спросить, что произойдёт, если они не остановятся, но я сдержалась. В его движениях было столько сосредоточенности, что лишняя реплика показалась почти физической помехой.

Тайрвен пересёк зал, вернулся к порогу и повторил измерение с другой стороны. Потом принёс внутрь тяжёлую деревянную опору, поставил её на обозначенное место и снова посмотрел на прибор.

Терисса незаметно сжала тесьму журнала.

Мы ждали.

Наконец инспектор повернулся к нам.

— Пока границы устойчивы. Теперь нужно проверить обычную подстройку, которой пользовалась смотрительница.

В этот момент со стороны главного входа донёсся осторожный стук.

Терисса пошла открывать, а я осталась возле дверей, продолжая следить за светлой линией. Теперь она почти не отличалась от остальных каменных полос, но я уже знала, что дело не в освещении.

— Я к вам не за работой, — раздался из вестибюля незнакомый мужской голос. — Мне сказали, здесь снова готовят залы.

Тайрвен сразу убрал руку с пластины. Свечение погасло.

Я вышла из коридора.

У входа стоял пожилой мужчина в добротной, но сильно потёртой куртке. Одной рукой он держался за широкую трость, второй прижимал к боку небольшую деревянную коробку. Седые брови почти сходились над переносицей, а взгляд то и дело уходил к скамье у стены.

Терисса смотрела на него с тревожным удивлением.

— Олмер, кто вас привёз?

— Племянник. Он лошадь отвёл, сейчас вернётся. Я не пешком от мастерской добирался, можете не сердиться заранее.

Она подвинула к нему ближайший стул, но мужчина покачал головой.

— На тот сяду. Его хотя бы сам делал и знаю, что не развалится.

Он указал на скамью с широкими подлокотниками.

Я поняла, что перед нами тот самый мастер, о котором Терисса рассказывала в первый вечер.

Олмер сделал шаг, однако поставил ногу чуть в стороне от намеченного места. Трость скользнула по краю тёмной полосы, и я невольно двинулась к нему.

Он поднял ладонь.

— Только не тяните меня сразу. Лучше скажите, далеко ли ещё до скамьи.

— Два небольших шага, — ответила я. — Спинка справа от вас. Я могу подать руку, если так удобнее.

Мужчина посмотрел на меня, затем кивнул.

Он опёрся ровно настолько, насколько требовалось, и медленно дошёл до сиденья. Я не пыталась ускорить его. Только после того, как он устроился, заметила, насколько крепко он сжимал ручку коробки.

— Это госпожа Риоль, новая хозяйка, — сказала Терисса. — А это Олмер Витт. Его скамьи вы уже знаете.

— Одну вам испортили, — заметил он, глядя на место, где недоставало доски.

— Исправим, когда разберёмся с остальным, — ответила я.

Олмер провёл ладонью по подлокотнику.

— Там дерево не всякое подойдёт. Поставите сырое — к зиме выгнет.

Терисса подняла глаза к потолку.

— С прошлой осени никуда не выходил, а едва приехал — опять объясняет, как нам скамьи портить.

— Если вы без меня справляетесь, зачем приезжать?

Он попытался улыбнуться, но улыбка быстро исчезла.

Я присела на стул напротив.

— Вам сказали, что лечебница открылась?

— В лавке слышали, будто сюда столяр ходит, полы отмывают. Терисса прежде одна сидела, значит, подумал я, неспроста всё это.

— Сейчас идёт проверка. Мы ещё не принимаем посетителей.

Олмер кивнул так, словно именно этого ответа и ожидал.

Он начал поворачиваться к двери, хотя только что сел. Терисса уже открыла рот, собираясь возразить, но я спросила:

— Вы можете немного отдохнуть? Дорога, наверное, была непростой.

— Отдыхать я умею. За последнее время научился лучше всего остального.

Он поставил коробку себе на колени.

— Я просто хотел узнать, есть ли смысл приезжать ещё.

Тайрвен стоял у двойной двери и слышал весь разговор. Я посмотрела на него, но ответа пока не получила.

— Расскажите, с чем вам труднее всего, — попросила я. — Тогда хотя бы будем понимать, о какой работе идёт речь.

Олмер открыл коробку.

Внутри лежала небольшая деревянная деталь с плавным изгибом. Он достал её не сразу: пальцы ушли мимо края, коснулись крышки, вернулись. Когда деталь наконец оказалась у него в руках, я увидела, что с одного бока она снята слишком глубоко.

— Это часть поручня, — объяснил он. — Хотел проверить, смогу ли ещё довести изгиб. Думал, рука просто стала не такой твёрдой, но дело не только в ней. Я вижу край здесь, а касаюсь дальше. Повернусь — и пол уже будто не под тем углом.

Он положил деталь на ладонь.

— Прошлой осенью попал в сбой перехода у восточных ворот. С тех пор по мастерской могу идти только вдоль стены. А у верстака всё время боюсь, что промахнусь.

Я смотрела на дерево. Даже испорченная деталь была красивой: мастер хорошо чувствовал форму, и ошибка казалась особенно досадной именно потому, что всё остальное сделано точно.

— Что вы хотели бы вернуть в первую очередь? — спросила я.

— Возможность делать хорошие лестницы, госпожа Риоль. Я не собираюсь больше лазить под крышей, молодые справятся. Но хотя бы поручень, за который человеку приятно взяться, ещё хочу сделать сам.

Он перевернул деталь, скрывая неровный край.

— Сын предлагает поставить в мастерской кресло. Буду сидеть, смотреть, советы давать. Только советы у меня и раньше бесплатно получали.

Терисса отвернулась к столу с журналом.

Я некоторое время молчала, давая Олмеру убрать деталь обратно, если он захочет. Но он оставил её на коленях.

— Обещать, что вы снова сможете работать как прежде, я не стану, — сказала я. — Здесь тоже многое нужно восстанавливать. Но сначала стоит выяснить, поможет ли вам самый простой зал.

Тайрвен подошёл ближе.

— При условии, что закончится проверка, — добавил он.

Олмер посмотрел на его знак.

— Вы решаете, можно ли открыть?

— Я отвечаю за устойчивость пространства.

— Тогда решайте как следует. Мне ещё одного сбоя ни к чему.

Я ожидала, что старик начнёт просить или спорить, и почувствовала неловкость за собственное ожидание.

Тайрвен коротко кивнул ему.

— Именно этим я и занимаюсь.

* * *

Племянник Олмера вернулся с привязи и согласился подождать на кухне, где Терисса нашла для него хлеб и оставшийся сыр. Сам мастер остался в вестибюле. Оттуда он время от времени делал замечания по поводу скамьи, и по мере того, как Терисса начинала отвечать привычно сердито, напряжение в её голосе уменьшалось.

Я вернулась к Тайрвену.

— Вы ведь не предложите ему испытать зал, пока проверка не закончена? — тихо спросила я.

Инспектор оторвался от записей.

— Я такого не предлагал.

— Знаю. Просто он так ждал этой поездки, что согласится почти на что угодно.

Он закрыл книгу большим пальцем, сохраняя страницу.

— Вы готовы отправить его домой, если зал не выдержит проверку?

Спросил он без вызова. От этого отвечать оказалось труднее.

Я посмотрела на открытую дверь вестибюля. Олмер сидел, положив трость поперёк колен, и рассказывал Териссе, где именно нужно искать подходящую доску.

— Готова, — сказала я. — И хочу понять, что можно сделать до того, как придётся отправлять.

Тайрвен некоторое время изучал моё лицо.

— У первого зала сохранились обычные, неизменённые границы. Он допускает работу без расширения. Я проверю ещё два положения, которыми пользовалась госпожа Лут. Если оба устойчивы, разрешу одно короткое занятие под моим наблюдением. Дальше решение будет зависеть от повторного замера.

— А остальные помещения?

— Для посетителей останутся закрыты. Общую опору мы сегодня не переделываем и дальние связи не восстанавливаем. Это отдельная работа, и начинать её без старых записей нельзя.

Я кивнула.

Один посетитель. Короткое занятие. Я посмотрела на вымытые скамьи и впервые представила, как Олмер положит здесь свою коробку. Для начала этого хватало.

Следующий час мы работали почти без разговоров.

Терисса показывала, как раньше задавали простейшую подстройку. Тайрвен проверял каждое положение, прежде чем позволить ей перейти к следующему. В одном случае стрелка на приборе пошла неровно, и он сразу вернул пластину обратно.

— Этим пока пользоваться не будем, — сказал он.

— Раньше держалось, — заметила Терисса.

— Теперь не держится.

Она сжала губы, но спорить не стала. На странице журнала появилась новая пометка.

Я наблюдала за тем, как меняется светлая линия у порога. В устойчивом положении она выглядела ровной и тусклой, едва заметной при дневном свете. Когда стрелка начинала колебаться, линия словно дробилась на мелкие участки.

Однажды мне показалось, что я начинаю понимать устройство зала. В следующую минуту Тайрвен переставил рамку, и все мои предположения оказались бесполезными.

Пришлось спросить.

— Что именно здесь подстраивается? Я вижу скамью то ближе, то дальше, хотя вы говорите, что границы не меняются.

Терисса указала на дуги.

— Зал помогает человеку согласовать то, что он видит, с тем, как движется. Но нельзя сразу задавать большое расстояние. Начинали обычно с того, что человек мог спокойно рассмотреть перед собой.

— И мебель должна оставаться на месте?

— Пока работает подстройка — обязательно, — подтвердил Тайрвен. — Иначе вы задаёте человеку одну меру, а предмет уже находится в другой.

Я ещё раз осмотрела расставленные опоры.

До этого мне казалось разумным провести Олмера между ними и посмотреть, как он держит равновесие. Теперь я вспоминала деревянную деталь на его коленях и то, как он пытался попасть пальцами в край коробки.

— Тогда для первого раза нам не нужны обе стойки посреди комнаты.

Терисса нахмурилась.

— В прежней расстановке они стояли именно так.

— Для ходьбы. Но Олмер пришёл после дороги и устал ещё до начала. Я бы сначала посадила его у устойчивого стола.

Тайрвен посмотрел на меня.

— Вы хотите изменить подготовленное место после проверки?

— До включения, а потом проверить заново. Мы уберём лишнее, не добавим новую сложность.

Он перевёл взгляд на ближайшую опору, затем на дверной проём.

— Покажите, как именно.

Я придвинула лист, на котором до этого отмечала переносы, и нарисовала скамью у стены. Рядом обозначила низкий стол, который видела в кладовой, и оставила достаточно места, чтобы к сидящему можно было подойти с любой стороны.

— Пусть сначала попробует положить свою деталь туда, куда намерен. Или взять её с поверхности, не ища край вслепую. Если ему будет трудно, мы поймём это без необходимости ещё и удерживать равновесие стоя.

Терисса наклонилась над рисунком.

— Скамью нужно повернуть. Иначе свет из окна будет прямо в глаза.

Я исправила положение.

Тайрвен взял у меня карандаш и провёл короткую линию возле дверей.

— Здесь оставьте свободно. В случае остановки зал должен сохранять прямой выход.

Мы перенесли одну опору к стене. Вторую оставили возле скамьи, проверив, удобно ли держаться за неё при посадке. Стол принесли из кладовой вдвоём с Тайрвеном; он оказался небольшим, но тяжёлым, с толстыми ножками.

Когда мы опускали его на пол, моя рука попала слишком близко к краю. Инспектор придержал стол дольше, чем я ожидала.

— Отпустите, я держу.

Я убрала пальцы и выпрямилась.

Он стоял близко, и несколько мгновений между нами оставались только узкий угол столешницы и тишина. На его рукаве темнело пятно пыли. Почему-то именно эта мелочь заставила меня заметить, насколько неуместно нарядным показался бы здесь Касрен со своими безупречными перчатками.

Я не захотела продолжать это сравнение.

— Спасибо, — сказала я.

Тайрвен кивнул и отступил, но перед тем, как снова присесть к порогу, задержался возле скамьи. Его пальцы легли на спинку, плечи на мгновение опустились.

Потом он выпрямился так ровно, словно этого движения не было.

Терисса уже открывала журнал, поэтому, кажется, ничего не заметила.

Я поставила рядом второй стул.

— Когда закончите замер, здесь можно заполнить бумаги. За столом удобнее, чем на колене.

— Вы торопитесь получить разрешение?

— Я тороплюсь перестать следить, как вы пытаетесь одновременно держать книгу и прибор.

Он посмотрел на приготовленное место.

— Это действительно неудобно, — признал он после небольшой паузы.

Когда новая расстановка прошла проверку, Тайрвен записал временное разрешение на пробное занятие под своим наблюдением. Если повторный замер подтвердит устойчивость, в первом зале можно будет продолжить ограниченный приём без изменения его размеров и только в присутствии Териссы. Новые настройки и одновременный приём нескольких посетителей пока запрещались.

Он объяснил нам, при каком изменении светлой линии нужно сразу остановиться и кого известить. Терисса повторила порядок своими словами, а я записала то, что должна была помнить сама.

Только после этого мы позвали Олмера.

* * *

Из вестибюля до первого зала было совсем недалеко, но мы не стали делать вид, что это расстояние не имеет значения.

Племянник помог мастеру подняться. У порога Олмер остановился и внимательно посмотрел на каменные дуги.

— Здесь всегда так блестело?

— Сейчас линия включена для проверки, — ответил Тайрвен. — Пока вы сидите, она будет погашена.

Свет исчез, и Олмер заметно расслабил плечи.

Я проводила его к скамье, не хватая за локоть без просьбы. Когда он сел, выяснилось, что стол стоит чуть дальше, чем нужно. Мне захотелось немедленно придвинуть его, но я вспомнила объяснение инспектора и посмотрела на него.

— Ещё не начинали, можно, — сказал Тайрвен.

Мы пододвинули стол. Терисса проверила положение скамьи по дуге и убрала с поверхности всё лишнее.

Олмер открыл коробку и достал свою деталь.

— С неё и начнём? — спросил он.

— Сначала скажите, удобно ли вам сидеть.

— Если вы ещё подушку предложите, я решу, что сын с вами сговорился.

— Подушки у нас пока берегут для тех, кто не ругает мебель.

Он хмыкнул и осторожно устроил ноги.

Тайрвен стоял у порога. Перед началом он спросил мастера, готов ли тот попробовать короткую подстройку, и дождался ясного согласия.

Терисса повернула небольшую пластину.

Светлая линия прошла по ближайшей дуге и остановилась возле скамьи. На этот раз расстояние до стола показалось мне прежним. Зато Олмер опустил взгляд, будто столешница неожиданно приблизилась к нему сама.

— Непривычно, — сказал он.

— Скажите, когда станет неприятно, — попросила я. — Терпеть ради результата не нужно.

Я положила на стол деревянную деталь и рядом — простой обрезок с ровным краем, который мы взяли из оставшихся после столяра материалов.

— Вы хотели проверить изгиб. Попробуете расположить его так, чтобы вам было удобно рассмотреть?

Олмер потянулся к детали.

Пальцы прошли мимо.

Он остановился, потом попробовал ещё раз, уже быстрее. Дерево повернулось на столе и едва не упало. Я придержала край, не отдавая вещь ему прямо в руку.

Мастер отдёргнул ладонь.

— Видите? Я же говорил.

В голосе прозвучала такая усталость, что Терисса перестала смотреть в журнал.

Мне захотелось немедленно найти правильные слова. Объяснить, что первый раз ничего не решает, что он уже добрался до лечебницы, что нельзя требовать от себя всего сразу. Но Олмер явно слышал достаточно утешений.

Я посмотрела на поверхность стола.

Тёмная годовая полоса на деревянной детали почти сливалась с разводом на столешнице. Когда мастер наклонялся, тень от его руки закрывала край.

— Давайте остановимся, — сказала я Териссе.

Олмер сразу поднял голову.

— Всё?

— Нет. Я неудачно выбрала место для вашей детали. Сейчас исправлю.

После того как свечение погасло, я принесла из кухни кусок однотонного светлого полотна и закрепила его на столе так, чтобы края не свисали. Тёмное дерево стало видно отчётливее.

Тайрвен проверил положение ещё раз.

— Вы считаете, дело в том, что он не различает край?

— Я считаю, мы не должны добавлять ему лишнюю трудность. Остальное ещё предстоит понять.

Олмер следил за мной с неожиданным вниманием.

— Вы не будете говорить, что я просто мало стараюсь?

Я подняла на него глаза.

— По-моему, вы уже устали от старания. Попробуем устроить всё так, чтобы оно не уходило на борьбу со столом.

Терисса вновь запустила самую простую подстройку.

Второй раз мы не просили мастера брать деталь. Я повернула её до начала так, чтобы один край оставался рядом с его ладонью, и предложила только придвинуть дерево к ровному обрезку.

Олмер двигался медленно.

Я видела, как ему хочется ускориться и закончить действие одним привычным движением. Он дважды останавливал руку, возвращал её на поверхность стола и смотрел, где лежат пальцы.

Тайрвен не отрывался от прибора.

Когда дерево наконец коснулось обрезка, раздался тихий стук.

Олмер замер.

— Уберите свою руку, — попросил он меня.

Я показала обе ладони.

— Я не держала.

Он посмотрел на меня, потом на Териссу.

Линия у порога оставалась ровной.

Мастер ещё несколько мгновений сидел неподвижно, словно боялся, что при первом же движении всё вернётся на прежнее место. Потом медленно отодвинул деталь и попытался повторить.

На этот раз пальцы снова ушли в сторону.

Он сердито втянул воздух.

— Давайте ещё.

Терисса посмотрела на Тайрвена. Тот подтвердил жестом, что положение зала не изменилось, но я заметила, как Олмер начал сильнее опираться грудью о стол.

— На сегодня достаточно, — сказала я.

— Я ведь только один раз сделал как нужно.

— И мы хотим, чтобы вы ушли, сохранив силы на дорогу. Повторить можно будет в следующий раз, после нового замера.

Он повернулся ко мне всем корпусом.

— Вы же понимаете, что я сейчас не усну, пока не попробую ещё?

— Понимаю. Поэтому запишем, как лежала деталь и где стоял стол, чтобы не начинать заново с догадок.

Тайрвен подошёл ближе.

— Госпожа Риоль права. Зал выдержал эту работу, но от усталости точность не прибавится. Сегодня вы уже получили ответ на вопрос, имеет ли смысл возвращаться.

Олмер долго смотрел на свой неровный поручень.

— Завтра? — спросил он наконец.

Я посмотрела на инспектора.

— Завтра после повторной проверки, — ответил тот. — Я буду здесь утром.

Мастер осторожно убрал деталь в коробку. Закрыть крышку получилось не сразу, и он позволил Териссе помочь, не огрызнувшись.

Для меня это оказалось почти таким же важным, как тихий стук дерева о дерево.

Когда свечение погасло, племянник помог ему подняться. Олмер снова шёл с опорой и не стал внезапно увереннее держаться на ногах. У двойной двери ему потребовалось остановиться, чтобы привычное пространство вестибюля перестало его сбивать.

Я ждала рядом.

— За сегодняшний приём сколько? — спросил он.

— Сегодня мы проверяли, можем ли вообще начать работу. За это платы не будет. Он нахмурился.

— Благотворительность я не просил.

— Вы её и не получили. Завтра обсудим стоимость, прежде чем войдёте в зал. А сейчас у меня ещё нет основания выставлять вам счёт за обещания.

Олмер некоторое время изучал моё лицо.

— Тогда завтра я принесу вам рисунок для той скамьи, — сказал он. — Это тоже пока не работа. Посмотрите и решите.

— Договорились.

Племянник повёл его к повозке. Терисса отправилась следом, напоминая, что приезжать слишком рано не нужно и что в сырую погоду лучше брать тёплую накидку.

Олмер отвечал, что за месяцы сидения дома ещё не разучился одеваться.

Их голоса удалялись к калитке, а я стояла возле освобождённого прохода и смотрела на первый зал.

На светлом полотне осталась маленькая древесная крошка.

Я провела по ней пальцем и вдруг ощутила, насколько устала.

* * *

Тайрвен закончил повторный замер, пока я записывала расстановку стола и скамьи.

Мне хотелось сохранить буквально всё: куда смотрел Олмер, как держал деталь, в какой момент рассердился и что изменилось после остановки. На третьей строке рука начала путаться, и я перечитала фразу, в которой дважды написала одно и то же слово.

Передо мной появилась кружка с водой.

Я подняла глаза.

— Терисса попросила передать, — сказал Тайрвен.

— Она ещё во дворе.

— Попросила, прежде чем вышла.

У него чуть дрогнул угол рта. Я взяла кружку, пряча улыбку за её краем. Вода оказалась прохладной; только сделав несколько глотков, я поняла, как давно хотела пить.

Некоторое время мы писали молча.

За окном свет менялся с яркого на мягкий, вечерний. Вымытые каменные дуги уже не казались такими чужими, как утром. Я знала, что одна из них способна ответить светом, если Терисса коснётся нужной пластины, а Тайрвен подтвердит, что всё устойчиво.

— Вы долго занимались такой работой? — спросил он.

Я отложила перо.

— Устраивала помещения и помогала людям осваивать повседневные действия. Но с такими залами прежде не работала.

— Я заметил.

Я уже открыла рот, собираясь спросить, настолько ли это очевидно, когда он добавил:

— Вы не пытались пользоваться всеми возможностями, которые сохранились в настройке. Большинство начинает именно с этого.

— Если я не понимаю, что произойдёт, возможности выглядят не слишком заманчиво.

Он посмотрел на стол, где недавно сидел Олмер.

— Тем не менее вы изменили расстановку, которую использовали много лет.

— Она могла подходить другим людям. Олмер пришёл с другой задачей.

Тайрвен кивнул, словно этот ответ объяснил ему больше, чем мои слова о прежней работе.

Я поймала себя на том, что жду следующего вопроса.

Я почти приготовилась рассказать о прежней работе — и вдруг поняла, как давно никто об этом не спрашивал. За три года я научилась занимать гостей, выбирать цветы для приёмов и вовремя замолкать. О том, что умела прежде, иногда забывала даже сама.

Но он не стал расспрашивать дальше.

— Разрешение остаётся в силе, — сказал он. — Только первый зал и только те положения, которые мы проверили. До утра ничего больше здесь не меняйте.

— Даже стол?

— Особенно стол.

— Хорошо, я постараюсь пережить ночь без перестановки.

На этот раз он улыбнулся, не пряча улыбку сразу.

Я заметила небольшую складку у его глаза и неожиданно подумала, что строгим он выглядел во многом потому, что почти всё время был сосредоточен. Когда сосредоточенность отсутствовала, лицо менялось сильнее, чем можно было ожидать.

От этой мысли стало немного неловко. Я опустила взгляд к журналу.

Вошедшая Терисса положила на стол бумагу о жилом крыле, которую он просил найти.

— Олмер велел передать, что передумает ругать вашу новую хозяйку только после завтрашнего раза.

— Он уже успел меня поругать? — удивилась я.

— За стол. Сказал, давно бы сделал другой, если бы знал, на что его теперь будут использовать.

Она села, не дожидаясь приглашения. Только теперь я увидела, насколько у неё усталое лицо.

Тайрвен подвинул журнал ближе к ней.

— Запишите также время остановки. Первый результат ничего не говорит о том, сколько он сможет выдержать завтра.

— Запишу, — сказала она. — Вы лучше сами сядьте нормально, а то у вас скамья есть, а пользуетесь вы только её краем.

Я невольно посмотрела на него.

Тайрвен действительно сидел очень прямо, почти не касаясь спинки. При замечании Териссы он чуть изменил положение, но опереться так и не смог или не захотел.

— Мне ещё нужно убрать измерительные рамки, — ответил он.

Слова были обычными, однако прозвучали быстрее, чем все его предыдущие объяснения.

Я не стала задерживать его разговором.

Пока он собирал футляр, мы с Териссой убрали со стола коробку с нашими мелочами, но оставили само место Олмера нетронутым. Светлое полотно я расправила ладонью и прикрыла чистой тканью, чтобы за ночь на него не осела пыль.

Потом мы втроём вышли в коридор.

Возле высокого окна в конце по-прежнему было пусто.

Я задержалась у последней двери. Седьмого зала по-прежнему не было, и от тёмного окна тянуло холодом. Но завтра в первом снова будет сидеть Олмер. Я оглянулась на оставленный для него стол и плотнее прикрыла дверь, оберегая чистое полотно от коридорной пыли.

Тайрвен остановился у плана, прислонённого к стене вестибюля.

— До ответа из архива оставьте его здесь. Не снимайте стекло и ничего не подправляйте на самом чертеже.

— Вы считаете, он может понадобиться как доказательство?

— Он уже понадобился. По нему мы знаем, что искать.

Я посмотрела на обозначение седьмого зала.

— А если прежние записи не сохранились?

— Тогда будем искать другие свидетельства. Но сначала запросим то, что должно быть.

Мне всё ещё хотелось услышать, что зал непременно найдётся. Тайрвен обещал только запросить записи, и я вдруг заметила, что верю ему. За сегодняшний день он уже несколько раз делал именно то, что говорил.

Терисса взяла пустой кувшин.

— Я на кухню. Если господин инспектор не торопится, хлеб ещё остался.

— Благодарю, но сегодня мне нужно вернуться в управление, — ответил Тайрвен.

Она кивнула и ушла по боковому коридору.

Я собрала документы в папку. Среди них лежало временное разрешение на один зал — гораздо более скромная бумага, чем акт передачи целой лечебницы. Однако именно её хотелось перечитать ещё раз.

Тайрвен остался возле общего порога.

— Здесь закрепитель я оставляю до завтра, — сказал он, указывая на узкую перемычку у металлической вставки. — Не снимайте его и не позволяйте никому трогать. Все остальные приборы забираю.

— Как мне понять, что с ним что-нибудь произошло?

Он показал тонкую светлую черту у края.

— Она должна оставаться ровной. Если заметите разрыв или свечение там, где его сейчас нет, не входите в зал. В разрешении указан дежурный адрес.

Я наклонилась, чтобы рассмотреть лучше.

После вчерашней уборки трещина в белой плите была видна отчётливо. Тайрвен не стал замазывать её или прятать под новым креплением. Он очистил место вокруг, закрепил устройство и оставил сам камень таким, каким нашёл.

Мне понравилась эта осторожность.

— Сегодня он выглядел страшнее, чем оказался, — сказала я, глядя на порог.

Тайрвен поднял голову.

— Порог?

— Вы тоже, но я пока говорю о пороге.

Я поняла, что произнесла это вслух, только когда увидела его лицо.

Он на мгновение перестал собирать инструмент.

— Обычно владельцы сообщают мне об этом после выдачи окончательного разрешения.

— Значит, я поторопилась.

— Возможно.

Он говорил совершенно серьёзно, но у глаз легли знакомые складки. Я улыбнулась в ответ и поспешно прижала папку к груди, будто это могло придать мне более деловой вид.

Тайрвен убрал последнюю рамку в футляр. Чтобы снять тонкую измерительную нить, ему пришлось присесть и протянуть руку через край порога.

Я стояла в шаге от него, уже собираясь спросить, в какое время ждать завтра.

Белая линия под его ладонью вдруг засветилась.

Сначала я подумала, что он проводит ещё одну проверку. Но Тайрвен замер, не завершив движения, а обе створки двери тихо дрогнули в петлях.

От порога к его сапогам прошёл узкий отсвет.

— Господин Оррис?..

Он резко отнял руку.

На стене за его плечами возникла огромная тень, хотя свет падал совсем с другой стороны.

Я отступила, прижимая папку сильнее.

Из тени проступили крылья.

Они были полупрозрачными, дымчато-серебряными, с длинными светлыми линиями вдоль сгибов. Одно раскрылось почти ровно, высоко поднявшись над его плечом. Второе запоздало, словно не находило места в воздухе, и его край распался на несколько несовпадающих очертаний.

Тайрвен упёрся ладонью в косяк.

Его лицо побледнело так быстро, что я шагнула к нему прежде, чем успела испугаться самих крыльев.

— Вам нужно сесть?

Свечение оборвалось.

На стене снова осталась только обыкновенная тень мужчины, а за его спиной не было ничего, кроме пустого дверного проёма. Он стоял неподвижно, опираясь на косяк, и по напряжению пальцев я поняла, какого усилия ему стоит эта неподвижность.

Я поставила папку на ближайшую скамью.

— Тайрвен...

Он повернулся ко мне. В светлых глазах исчезло всё спокойствие, с которым он целый день проверял чужую безопасность.

— Ясвена, — резко произнёс он, понижая голос, чтобы его не услышали на кухне. — Я прошу вас никому не рассказывать о том, что вы сейчас увидели.

Глава 3. Первые шаги и пропавшая дверь

— Я не стану рассказывать о ваших крыльях, — ответила я. — Но о том, что порог отозвался сам, Терисса должна знать. Завтра ей работать здесь с Олмером.

Тайрвен посмотрел на меня так, словно только теперь вспомнил, где находится. Его ладонь по-прежнему упиралась в косяк, а на шее, над воротом камзола, проступила узкая полоса дымчатых чешуек.

— Разумеется. Я внесу это в запись об осмотре.

Он попытался выпрямиться, и мне пришлось подавить желание немедленно подхватить его под руку. С Олмером я сегодня не торопилась помогать без спроса. Тайрвен имел право хотя бы на такую же осторожность.

Я придвинула к нему стул.

— Здесь удобнее подождать, пока пройдет слабость. И до порога дальше.

Несколько мгновений он смотрел на сиденье, потом всё-таки опустил. Осторожно, избегая касаться спиной высокой спинки.

Я убрала с бл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.